

Как нужно изучать российскую и советскую философию, чтобы не умереть от скуки?

На протяжении более чем 10 лет я выстраиваю проект социологии философской практики, который в последние годы приобрел замечательное коллективное измерение. Хронологически можно расположить его между двумя точками отсчета. В 2004 году я опубликовал статью, первоначально — доклад на ФФ МГУ, где зафиксировал исторически повторяющиеся от Боэция до Делеза паттерны интеллектуальных притязаний и механизмы самоцензуры в философской речи¹. Я объяснил эти повторяющиеся формы субъективности — неотъемлемый диспозитив самой дисциплины — привилегированным местом посредника, которое философия исторически занимает в университете и, более широко, в диалоге между научными дисциплинами.

В 2014 вместе с группой молодых исследователей, студентов и выпускников ФФ МГУ, я приступил к изучению долгого послевоенного периода философии, который охватывает последнее сталинское десятилетие с его ожесточенными доктринальными войнами и гротескными формами рецепции западной философии; последующее десятилетие

бурного обновления дисциплины, когда вместе с введением нового философского словаря, по сути, переучреждаются целые философские направления; период бюрократизации философской дискуссии и одновременно все большей ее профессионализации; наконец, отрезок от 1991 года до настоящего дня. Для последнего этапа характерна диверсификация философской практики, когда возникают не только новые грамматики теоретической рецепции и работы с понятиями, но и новые профессиональные фигуры, такие, например, как медиа-философы, чья известность почти не зависит от их признания академическими институтами². Вместе со мной ядро исследовательской группы — это Вера Гусейнова, Мария Дубовик, Георгий Коновалов, Мария Меньшикова, Амалия Пртавян и Егор Соколов.

У такой исследовательской работы есть несколько методологических принципов и по меньшей мере одна практическая, навигационная задача. Задача состоит в том, чтобы сделать более проницаемой перегородку между безупречно-превосходной западной философией и уныло-бессмысленной отечественной. Ведь именно таким положение

1. Бикбов А. Философское достоинство как объект исследования// Логос, № 3-4, 2004.

2. Некоторые промежуточные результаты были озвучены на конференции «Критическая картография философского разума: от советского — к российскому» (25.05.2015, ФФ МГУ). Новые публичные события и публикации — дело ближайшего будущего.

дел предстает взгляду большинства студентов и преподавателей. Очевидно, что основания для подобной оценки имеются, и они во многом продиктованы прагматикой философских понятий как инструментов управления собственной жизнью. Здесь я отсылаю к позднему Фуко, который в этой оптике реконструировал великие философские системы. Вероятно, большинство российских философских проектов (за исключением марксистских и ряда рационалистических) предлагают теоретические инструменты для организации весьма специальных и, мягко говоря, несовременных стилей жизни, например, мирского монашества или раннебуржуазного морализма.

Поэтому решать задачу устранения перегородок, прибегая к риторическим фокусам про великое назначение русской философии, — заранее обреченный путь. Единственный путь, на котором возможен успех, — это сколько-нибудь заверченный метод социальной критики российской философии. Только так последняя снова может стать интересной. Отдельный вопрос — почему она вообще должна быть интересной, достойной интеллектуального усилия? Потому что самая большая опасность, которая неизменно сопровождает бинарное, на деле политическое и колониальное отделение «нашей» философии от великой западной традиции — это непрерывное воспроизведение такого разрыва на каждом следующем шаге, в каждом следующем поколении. Стигматизация любой работы, произведенной в Москве и иных философских центрах России и СССР в прошлом, оборачивается самостигматизацией философов настоящего. Ведь если не получилось ни у кого прежде, почему должно получиться

у кого-то сейчас? Социологическая критика философской практики направляется контр-интересом: а как это вообще работает? Как воспроизводится комплекс условий, который делает для каждого последующего поколения малоинтересной философию поколения предыдущего?

Очевидно, что перед лицом этого по-настоящему трагического вопроса о прагматике философского знания невозможно ограничиться скудным арсеналом истории идей или анкетными опросами. Исследовательская работа, которую я веду сегодня вместе с коллегами, стоит на трех методологических китах:

1. внимание к коллективно разделяемым возможностям философского суждения;
2. локализация политических условий и мест философской практики;
3. раскодирование биографических детерминант текстуальных различий.

Как эти принципы реализуются в конструкции исследования? Первый шаг состоит в критической ревизии легитимных моделей философской саморефлексии и самоописания. Традиционно поиск оснований философской практики прочно вписан в ту модель философии, которая многократно подтверждена в ходе институционализации дисциплины. Основа этой модели — индивидуальное авторство теории. В соответствии с ней, философия Канта может соотноситься с философией Вольфа или Гуссерля, философия Гуссерля — с философией Хайдеггера или Витгенштейна. Частичный уход от презумпции индивидуального авторства допускается только при сопоставлении школ или течений, т.е. коллективов или ассоциаций теоретиков, сознательно культивирующих свои отличия в пространстве легитимных философских тем. Уже куда более проблематичным оказывается установление общности философских понятий с юридическими или экономическими понятиями того же периода, равно как анализ коллективных убеждений и верований философов.

Наше исследование исходит из прямо противоположного допущения: имеются коллективные условия: интеллектуальные (такие, например, как список авторов, обязательных к прочтению для философской квалификации)³, политические и карьерные (например, возможность получить ставку на факультете при соблюдении ряда писаных и неписаных правил), которые заранее формиру-

3. Читатели, возможно, знакомы с экспериментом 2012 года «Первые философы», которое было призвано выявить «великих» авторов, наиболее легитимных для студентов философских факультетов [a.bikbov.ru/2012/11/pervye-filosofy].

ют достаточно жесткие конфигурации «интеллектуальное суждение — институциональная позиция». И наша первая задача — эти конфигурации описать, вскрыв механизмы их воспроизводства. Так, мы обнаружили, что для занятий историей философии в 1940–60-е годы ключевым авторам было совсем недостаточно владеть языками и корпусом «классических» текстов. Они должны были отрабатывать свой доступ к мировой мысли партийной практикой: трактатами по диалектическому и историческому материализму или выполнением административных функций. Казалось бы, давняя история? Но наши интервью с действующими философами свидетельствуют: фрустрации и тревоги начинающих преподавателей сегодня часто продиктованы трудностями институционализации новых перспективных тем, которые маргинальны, если вообще допустимы в репертуаре заведений. Основной стратегией успешной карьеры по-прежнему служит институциональный конформизм, и радикально новая или актуальная тема — это *via crucis* плюс карьерный риск.

Далее, мы работаем не с отдельными каноническими текстами, связи между которыми нередко фрагментарны и случайны. Наша задача более амбициозна и одновременно более специальна. А именно, поначалу мы отдаем предпочтение своего рода метаданным: числу и тематике публикаций, их распределению во времени, привязке тематик к институциям и т.д. Это позволяет фиксировать регулярности в философской практике, которые далеко не всегда очевидны самим практикующим. Например, по корпусу публикаций можно проследить, как с конца 1950-х и до начала 1980-х философы самых различных позиций, от партийных чиновников, вроде Митина или Иовчука, до «новых» философов, таких как Мамардашвили или Ильенков, «вдруг» начинают регулярно публиковать тексты о «всесторонне развитой личности» или «научно-техническом прогрессе»⁴. Эти понятия и оформленные вокруг них темы лежат вдалеке от исторически значимых философских дискуссий. Однако именно они составляют основу философского — и не только — суждения в позднесоветский период. С начала 1990-х схожим образом обстоит дело с понятиями «человек» и «цивилизация». Объясняя эту согласованность, нельзя избежать обращения к политическим инстанциям (таким как отделы идеологии и науки ЦК) и к карьерным правилам в философских

институциях. И здесь мы обнаруживаем, что «творцов» и «догматиков» порой разделяет очень тонкая грань. При этом наши интервью показывают: в регионах практическим признанием сегодня по-прежнему пользуются советские авторы 1960–70-х, и в первую очередь — авторы учебников. А это, среди прочего, означает, что прагматические ориентиры российской философии существенно отличаются от нормативного канона, в основу которого положены высокие образцы ИЗФ.

Наконец, биографические различия позволяют картографировать это многомерное пространство дисциплины. В своих ответах на общие правила, условия и понятия, философы объективируют диспозиции полученного образования, профессиональной карьеры и должностей, даже допрофессионального опыта родительской семьи. Иными словами, философское суждение содержит в свернутом виде биографическую траекторию высказывающегося. И наша задача — развернуть эти траектории, показав, как в коллективно разделяемых условиях тот или иной философ мобилизует свои биографические ресурсы, чтобы слиться с институцией, чтобы отличаться от других, чтобы осуществлять те сложные и возвышенные маневры, которые составляют смысл философской практики. И здесь мы возвращаемся к отдельным суждениям и текстам, куда лучше понимая место, которое они занимают в пространстве дисциплины. Не нужно лишних доказательств, чтобы понять: такой социальный и критический взгляд на дисциплину обладает эмансипаторной силой.

Александр Бикбов

4. Подробнее см. мою книгу «Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность» (М.: ВШЭ, 2014).